

Научная статья
УДК 930.1 (09) : 947.021/.026
DOI 10.47438/2309-7078_2022_3_121

ВАРЯГО-РУССКИЙ ВОПРОС В ЭМИГРАНТСКОЙ НАУКЕ 1920–1940-х годов

Вячеслав Васильевич Фомин¹

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского¹
Липецк, Россия*

¹Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры
отечественной и всеобщей истории, ORCID ID: 0000-0002-1240-8527, e-mail: vfominu@mail.ru

Аннотация. Впервые подвергнута анализу разработка варяго-русского вопроса в трудах наших эмигрантов указанного периода. Автор приходит к выводу, что изучение ключевого вопроса отечественной истории шло, под влиянием ошибочных выводов археологов и лингвистов, воспринимаемых в качестве несомненных истин, в русле ультра норманизма, заставляющего принципиальные явления и события истории Руси выдавать за скандинавские. Вместе с тем историки-эмигранты создали, в отличие от представителей советской науки, ряд важных обзоров по историографии данного вопроса, в которых довольно критично оценивали выходившую тогда норманистскую продукцию и высоко отзывались, по сравнению с советскими коллегами, о достижениях антинорманистов минувшего века.

Ключевые слова: ультра норманизм, Н.Т. Беляев, Е.Ф. Шмурло, А.Л. Погодин, Ф.А. Браун, Г.В. Вернадский, А.М. Волконский, В.А. Мошин, М. Фасмер, В.Ф. Минорский, Н.Н. Ильина.

Для цитирования: Фомин В.В. Варяго-русский вопрос в эмигрантской науке 1920–1940-х годов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 121–136. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_121

Введение

Прежде всего обращает на себя внимание принципиальная деталь тех лет, роднящая ученых, волею судеб оказавшихся по разным сторонам баррикад. Тогда в эмигрантской и советской науке восторжествовало убеждение в окончательной и бесповоротной победе норманизма. Как категорично заключал в 1925 г. эмигрант-германист Ф.А. Браун, время отрицания скандинавского происхождения основателей Русского государства, «к счастью, миновало». Ему эхом с тем же явным удовлетворением откликнулись обладавшие столь же высоким научным авторитетом коллеги из СССР. «Норманистическая теория происхождения Русского государства, – твердо звучал в 1928 г. голос историка А.Е. Преснякова, – вошла прочно в инвентарь научной русской истории». Через два года историк и археолог Ю.В. Готье также уверял, что «норманский вопрос» «решен в пользу норманнов» и что антинорманизм «принадлежит прошлому». В 1931 г. и эмигрант-историк В.А. Мошин был непреклонен в мнении, что против норманской теории «теперь уже нельзя спорить» [1, с. 306, 308; 2, с. 46; 3, с. 248; 4, с. 34–35].

И с ней действительно почти никто не спорил, ибо и в эмиграции, и в СССР безраздельно царил ультра норманизм, который с энтузиазмом пропагандировали специалисты, чьи взгляды на историю Руси сформировались в дореволюционную эпоху.

Причем они, возрождая аргументы, от которых отреклись (под воздействием критики оппонентов, прежде всего С.А. Геденова) столпы норманизма XIX в., историки и лингвисты А.А. Куник, М.П. Погодин, В. Томсен, и культивируя идеи ультра норманистов первых двух десятилетий XX в. – археолога Т.Ю. Арне, филологов Р. Экблома и А.А. Шахматова [5, с. 62–67, 81–86; 6; 7; 8], продуктивно оплодотворяли друг друга своими разработками. При этом ярко демонстрируя, как тенденциозность легко создает, по опыту прошлого, норманистские «факты» и «доводы», на основе которых рисовалась не история Руси, а история великих деяний шведов, приобщивших безвольную массу восточных славян к государственности (в то же время следует сказать, что представители эмиграции создали, в отличие от деятелей советской науки, ряд важных обзоров по истории разработки варяжского вопроса, в которых порой довольно критично оценивали выходившую тогда норманистскую продукцию и высоко отзывались, по сравнению с советской историографией, о достижениях антинорманистов минувшего столетия).

Вместе с тем эмигрантская наука своими статьями, учебниками, монографиями, которые выходили – в основном на русском языке – в Праге, Мюнхене, Берлине, Софии, Риме, Белграде, Нью-Йорке, сильнее всего воздействовала в вопросах восприятия и трактовки истории Руси на науку западную. Как отмечает сегодня крупнейший специалист по исторической мысли нашей эмиграции 1920–1930-х гг. М.Г. Вандалковская, «за рубежом многие общие курсы истории России, также как и исследования, посвященные отдельным проблемам

© Фомин В.В., 2022

¹ Статья печатается в авторской редакции. В цитатах во всех случаях разрядка и курсив принадлежат их авторам.

российской истории, опирались, как правило, на работы эмигрантских ученых» [9, с. 367] (но опирались, если вести речь о варяжском вопросе, уже имея крепким фундаментом работы ультраанорманистов – датчанина Томсена, шведов Арне и Экблома, русского Шахматова [10]).

Результаты

В 1922 г. Н.Т. Беляев в лекции «Начало Руси», прочитанной на открытии Русского народного университета в королевском колледже Лондонского университета (была опубликована в 1925 г.), превозносил варягов-норманнов, сыгравших, по его заверению, «огромную и необычайно плодотворную роль» на Руси: что «они приносили с собой новую живую струю молодого мужественного народа», что от них пошла новгородская вольница, что впоследствии, «как наследники буйного норманнского духа мы, русские славяне, растеклись по двум материкам», что норманны «принесли из Византии православное христианство и византийскую культуру... торговлю, искусства, чудные здания и величественные соборы», одновременно внеся в их постройки «свои методы, свои арки, свои колонны, даже свои меры» – «наши аршины и сажени», которые, ослабевшие, «пришлись нам по душе и по вкусу».

Разговор о «нашем кровном родстве с варягами-норманнами» историк завершал словами, что «норманское влияние оставило глубокие следы не только у нас в России, но и в Англии» [11] (так посредством кровавых норманнов, которых в английской литературе называют «чудовищами» и «мародерами» [12, с. 68, 236] и которые у нас якобы именовали варягами и русью, автор соединял, как и многие другие эмигранты, Русь-Россию с западноевропейской цивилизацией, словно у нас не было теснейшей связи с самой яркой и с самой высококоразвитой во всех отношениях ее частью – Византией, оказавшей огромное и всестороннее воздействие на Русь. В силу чего Россия с конца XV в. будет воспринимать себя именно ее преемницей, а не наследницей также ушедших в небытие викингов, ненавидимых и самых презираемых европейцами IX–XI вв. убийц, о защите от которых они столетиями молили Небо: «Боже, избави нас от неистовства норманнов!»).

В том же 1922 г. увидела свет «История России 862–1917» Е.Ф. Шмурло, которая, представляя собой учебник для детей эмигрантов старшего возраста и носившая «не столько ознакомительный, сколько научно-концептуальный характер», неоднократно переиздавалась и пользовалась большой популярностью среди западноевропейских коллег (опубликованная в Мюнхене, в 1928–1929 гг. была переведена на итальянский язык и вышла в Риме в двух частях). Известный историк, предупреждая, что «избегает всего спорного и еще не установленного в научной литературе», включая вопрос о происхождении Руси, в тоже время очень твердо говорил, во-первых, что варяги-норманны, в лучшем случае являвшиеся «ничтожной горсточкой, которая постепенно таяла в массе туземного славянского населения, заранее обреченная на бесследное исчезновение» («уже внук Рюрика, Святослав, носит чисто славянское имя», однако в описании Повести временных лет (ПВЛ) он напоминает «норманских викингов»), сыграли в русской жизни «роль фермента: дрожжи заквасили муку и дали взойти тесту», что ими был заложен «первый камень в том

фундаменте, на котором позже стал строиться весь наш государственный порядок и быт».

Во-вторых, что варягов-норманнов «наши предки называли Русью, русскими (финское название: руотси)» и что «название людей, дружинников перенесено было потом на страну: самая земля стала тоже называться Русью, Русской землей. Таким образом, следует различать Русь-страну и Русь-людей: страна была славянская, люди – норманны, германского происхождения». В правильности этой мысли Шмурло убеждал тем, что «история дает не один пример того, как чужое имя людей усваивалось страной, в которой они появлялись: славянская Болгария заимствовала свое имя от тюркских болгар, французская Нормандия – от скандинавских норманн; иберо-романская Андалузия – от германцев-вандалов» (М.В. Ломоносов на подобные доводы Г.Ф. Миллера справедливо заметил осенью 1749 г., что «пример агличан и франков... не в подтверждение его вымысла, но в опровержение служит», ибо названия стран восходят либо к победителям, либо к побежденным, но отнюдь ни к третьей стороне) [13, с. 29; 14, с. 16–19, 35–40; 15, с. 12–15].

В 1923 г. А.Л. Погодин в качестве прелюдии к главной теме – определению «национальной» принадлежности богов пантеона Владимира 980 г. – декларировал в своих «скромных заметках», что первые попытки государственного объединения восточнославянских, западнофинских и литовско-латышских племен принадлежат «германцам, сначала готам, создавшим в IV в. славное царство Германариха, потом скандинавам», что эта государственность, шедшая по водному пути «из варяг в греки», «поддерживалась с помощью германских укреплений – градов... куда сносились дань... К югу от этого северного района варяжских владений простирался другой район, с центром в Апуле (в Ковенской губ.), что, по-видимому, в середине IX в. между всеми подчиненными варягам племенами «начинается брожение», в результате чего литовцы и славяне свергают варяжское владычество. Однако их освобождение длилось недолго: «собрав новые силы, скандинавы опять подчинили себе Апуле» и племена у Финского залива.

Решив обосноваться здесь уже всерьез, скандинавы занимают «своими гарнизонами все важнейшие пункты. Когда Константин Багрянородный перечисляет русские города, то он имеет в виду, конечно, не славянские городища, а “гарды” скандинавов, варяго-россов, опорные пункты их владычества в “стране городов”, гардарики». Причем южный край «великого водного пути был уже давно занят черноморскими россам, на северном конце его возникает теперь настоящая русская государственность с центрами в Новгороде, Пскове, Изборске, Ладоге, Полоцке, Смоленске и т.д.». Затем были завоеваны Киев, Чернигов и другие города юга Руси, и центр варяжского владычества перешел с севера в Киев. Как подытоживал историк, «новое государство было типично варяжское. Оно было проникнуто мировоззрением норманнов» и «питало их религиозные традиции». После такой «вводной» Погодин доносил до читателя в духе ультраанорманистов XIX в. С.К. Сабина и М.П. Погодина, что божества пантеона Владимира являются скандинавскими, проникшими «вместе с варяжскими князьями в Россию».

И, опять же нисколько не утруждая себя доказательствами, автор в утвердительной форме говорил, что Тор, культ которого переняли от норвежцев финны, после получил, несомненно, распространение среди славянских и литовско-латышских племен, есть Перун, Перкунас. Один, как «бог ветров и бурь», есть Стрибог. Но он также и «бог умерших, повелитель покойников», да отчасти является еще и божеством плодородия, богатств, сокровищ: «В этом отношении он истинный “Скотий бог”... или, может быть, Дажьбог». Образ Одина «должен был получить свое распространение и применение в мире славянских, литовских и финских племен. В литовском фольклоре души умерших, *veles*, которые идут в царство мертвых через “врата душ” (*velindurgs*), сидят на “седалищах душ”, представляют пережитки скандинавских языческих воззрений, как и многое другое. По-видимому, Один и просто назывался *Vels* или *Vols*... Можно ли сомневаться, что этот *Vols* есть наш Велес или Волос, бог, игравший такую видную роль в культе княжеской дружины?».

Погодин также без колебаний уверял, что в 945 г. некрещеная часть дружины Игоря присягала по своему «скандинавскому обряду», что русские князья были тесно связаны со Швецией, что в середине X в. различие русского и славянского элементов «было так еще велико», что даже днепровские пороги «носили две категории имен», что «славянская струя не пробивается ни в легендах о первых русских князьях (напр., месть Ольги)... ни в именах их дружины», что «резкое различие двух стихий в жизни тогдашнего русского государства, дружинно-княжеской норманской и народной славянской, хранилось до конца X века» (но норманны-варяги, звучало привычным рефреном, которым норманисты, начиная с Н.М. Карамзина, закрывают проблему явного отсутствия реальных следов скандинавов на Руси, «были осуждены на ассимиляцию с коренным народом»).

Вместе с тем ученый подчеркивал, что «та историческая обстановка, в которой Владимир добился власти, характерна для его норманского самосознания», что первое время он, сын Мальфреды («если правильно шахматовское отождествление Малуши с Мальфредью»), женатый на «варяжке» Рогнеде, дочери полоцкого князя, «носящего варяжское имя Рогволод», представляется «ультраваряжским князем». Причем самый летописный контекст, что князь «постави кумиры на холму вьне двора теремнаго, и творяше потребу кумиром с людьми своими», показывает одно – «эти кумиры не были заимствованы из славянского языческого “пантеона”. Если бы даже таковой имелся в наличии, то какое дело было варяжскому князю и его “людям”, его дружине до этих славянских богов» (впрочем, категорично отрезал Погодин, славянских богов не было вообще).

Наконец, не могли Владимир и его дружина, «недавно прибывшая из Швеции, обращаться к такому мутному источнику религии», коей являлось славянское язычество: варяжский князь, стоявший так далеко тогда от славянства, ставил только «варяжские кумиры» (из его кумиров, быть может, Хорс – иранское божество). Поэтому «деревянный Перун с серебряной головой и золотыми усами нам ясен: это типичный варяжский Тор, как он изображался в скандинавской мифологии». Рядом с ним, возможно, стояли два истукана золотого Одина,

родоначальника княжеской династии, – Один-Стрибог и Один-Дажьбог, а также Мокошь: «Может быть, я не ошибусь, если разоблачу псевдоним Макоши, как Фреуг, богиню Фрею многих саг». Симаргл же – это не божество, а «симарыла», т.е. «в память отца своего Святослава, погибшего и оставшегося непогребенным, водрузил памятник Владимир, продолжавший языческую традицию отца» [16].

(К столь тенденциозным «разоблачениям» Погодина привела, помимо его ультранорманизма, заставляющего видеть чуть ли не во всем древнерусском скандинавское, идея датского слависта С. Рожнецкого, которая была изложена в 1901 г. и которой наш историк прямо руководствуется. Согласно Рожнецкому, Русь эпохи Олега, Игоря и Святослава представляла собой «чисто военное государство», в котором славянский народ «не обладал никаким голосом». В связи с чем при заключении договоров названных князей с Византией за него отвечало варяжское войско, которое клялось Перуном, являвшимся «замаскированным» варяжско-скандинавским Тором, ибо они оба громовники. В 1902 г. русский норманист К.Ф. Тиандер от мнения Рожнецкого не оставил и камня, указывая, что высказанное М.П. Погодиным «предположение о тождестве Перуна и Тора навело его на соображения, которые идут в разрез с культурной обстановкой исследуемых случаев». На рассуждения эмигранта Погодина повлиял, видимо, еще и российский филолог, академик Ф.Е. Корш, который в 1908 г. уверял, что в пантеоне Владимира нет ни одного бога со славянским именем и что «о славянском происхождении имени *Перун* теперь не может быть речи» [17; 18, с. 3–4]).

Важную роль в усилении ультранорманизма в эмиграции, в целом в зарубежной науке (да и в советской тоже) сыграла небольшая, но с громадным размахом рисуемая, под влиянием выдвинутой в 1914 г. теории шведской колонизации Руси шведского археолога Т.Ю. Арне, массовое присутствие шведов в русской истории, статья Ф.А. Брауна «Варяги на Руси», опубликованная в 1925 году. Согласно представлениям этого авторитетного лингвиста, шведы, с незапамятных времен освоив берега Финского залива и заселив южное побережье Финляндии, рано вступили в земли восточных славян (с середины или с конца VIII в. началась торговля шведов с востоком). Ссылаясь на византийские жития Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, сообщающие, без указания их этноса, об активных действиях русов на Черном море, он категорически заключал, что викинги доходили до сего моря «уже в первой половине IX века».

Также уверено говоря, что предприятие Рюрика было «одним из многих однородных», что «немало ходило в то время варягов и варяжских “князей” с дружинами на Россию», объяснял, стремясь нейтрализовать буквально убивающее норманизм, по точной оценке историка Г. Эверса, «убедительное молчание» скандинавских источников о столь важном событии, коим является призвание варягов в 862 г.: однако никто ни из современников, ни даже из его участников ничего не заметил, и потому «не было повода к сложению хотя бы песни, которая донесла бы до нас память о нем на родину Рюрика».

Подчеркивая при этом, опять же невольно демонстрируя отсутствие у норманской версии доказательной базы: «Мы знаем, куда причалили ва-

ряжские ладьи, несшие к нам Рюрика с братьями и дружиной, – летопись называет Старую Ладогу на Волхове и Новгород, – но мы не знаем места их отчала: они приплывают к нам из густого тумана, покрывающего Балтийское море... Историческая память их далекой скандинавской родины не удержала их имен, не помнит их рода, не знает «Руси». Причем имя этой «Руси», напускал автор такой же густоты туман, долженствующий сокрыть очередную смертельную для норманизма истину, «мы и подавно не должны искать в Скандинавии: его там никогда не было», и что в Швеции никогда не было и народа «рус».

Признавая, что имя «Русь» не может быть объяснено удовлетворительно ни из русского, ни из финского, ни из шведского языков, Браун начал проводить мысль, что оно возникло «в точке скрещения двух или трех языков» – в северной части Руси, «где сходились славяне с финнами, вероятно всего, в области Волхова и озера Ильменя». В связи с чем стал апеллировать – после довольно продолжительной паузы в науке – к идее шведских авторов XVII в., истинных создателей норманской теории, согласно которой маленький шведский Рослаген – небольшая часть прибрежной полосы области Упланд, лежащей напротив Финского залива, – дал имя великой Руси (идея, от которой в XIX в. вынуждены были отказаться, под воздействием блестящей критики антинорманистов Г. Эверса, Г.А. Розенкампа и С.А. Геденова, ультранорманисты А.А. Куник, М.П. Погодин, В. Томсен, но реанимацией которой, по причине острейшего дефицита действительных фактов, занялись в 1913 г. в Швеции).

Рассматриваемое имя возникло в указанном «славяно-финском захолустье» тогда, когда там стали появляться и оседать первые шведские купцы, которых прибрежные финны знали давно и которых они называли русью по «той стране, откуда они пришли» – Швеции-Ruotsi. Само же Ruotsi есть на финский лад переделанное наименование шведской области Rother, Rothin, «а более официально Roth(rs)land: недавно (1913 г.) это имя было прочтено и в рунической надписи на знаменитом мраморном льве (именуемом пирейским львом, тенденциозное толкование рун которого – «Они жили в Рослагене» – сбросил в науку швед Э. Брате, на что позже укажут его же соотечественники. – В.Ф.)... Береговая часть этой некогда обширной и самостоятельной области еще теперь называется Roslagen».

Жители Рослагена звались и сами называли себя «*rothskarlar*» или *rothsmen*, т.е. «людьми из Roth'a», *roth'*цами» (русью). Вышедшие из этой области первые торговцы завязали связи с финнами на берегах Финского залива, которые переделали ее название «на свой лад в Ruotsi (страна) и Ruotsalaiset (ее жители), обобщили затем это название, когда у них стали появляться и другие шведы, не из Roslagen'a, но говорившие тем же языком» (несостоятельность бытующего и ныне предположения о связи названия «Рослаген» с именем «Русь» показала в 2012 г. Л.П. Грот. Опираясь на геофизические данные, она продемонстрировала, что Рослаген, первичное название которого было Roden, а Roslagen – точнее Rodslagen, где буква s есть знак родительного падежа «гребца», т.е. пристанище гребцов или корабельный стан, – вторичное, т.к. появляется только в 1493 г., «в XI в. находилась в процессе образования». Потому как по расчетам шведских специали-

стов, «уровень моря в районе, где сейчас расположен Рослаген, в IX в. был минимум на 6-8 м выше нынешнего», т.е. во время призвания варягов/варяжской руси он находился под многометровой толщей воды).

Когда в конце VIII или начале IX в. «осмелевшие шведы стали проникать через финскую массу к славянам», то те переняли их имя от соседей уже в финской форме Ruotsi и приспособили к своей речи: «И вот таким-то образом из Ruotsi получилась «Русь»» (стоит заметить, что Браун в 1892 и 1899 гг. был все же менее категоричен. Хотя он тогда и уверял, что норманская теория «давным-давно... стала теоремой, неоспоримо доказанной фактами лингвистическими», но вместе с тем признавал явное: что вопрос о происхождении имени «Русь» является одним из «слабейших пунктов норманской позиции» и что если бы ее противникам «удалось доказать нескандинавское происхождение его, то они этим поколебали бы самую основу норманизма»).

Первоначально на Руси, продолжал свои рассуждения ученый, повсеместно русью именовались все скандинавы, «приходившие сюда в качестве купцов или викингов» (и это название морского пирата в устах славян превратилось, а вот по такому принципу и создаются лингвистические «аргументы» норманизма, в «витязя»), однако скоро широкое применение имени «Русь» сузилось, т.к. значительная часть шведской руси оседла навсегда «в славянских городах и в своих особых поселениях, иногда, быть может, по воле викинга-завоевателя», сливаясь «с окружавшей их славяно-финской средой. Иначе говоря, рано должно было сказаться отличие этой руси, оседлой среди славян, от той «руси», которая непрерывно притекала из-за моря, но возвращалась туда по окончании своих торговых или разбойных дел».

Это размежевание было ускорено и закреплено, когда оседлая русь объединилась, после смерти Синуса и Трувора в 864 г., политически под властью новгородского князя и стала первым «русским» княжеством, «ядром русского государства»: скандинавы, встретившись с политически еще бесформенной и раздробленной средой, стали, в силу своей военной организации, «центром политической кристаллизации», превратились «из наемных защитников в руководящих властителей», наложили «свою печать на первичную форму русской государственности». И за этим «ядром русского государства» «укрепилось название Руси по имени господствующего в нем класса во главе с князем».

Затем шведская русь перенесла центр политической жизни на Средний Днепр и создала там великое славянское государство (дав ему русско-скандинавское имя), выступая «во всех своих предприятиях, определивших дальнейшие судьбы России», как твердо организованная власть. Но это уже не прежняя русь, «чисто скандинавская, ее больше нет; это – русь дружинно-княжеская, сплотившаяся вокруг новгородского князя, а за нею организованная ею славянская масса, которую она увлекает за собой на путь широкого политического развития и с которой сама быстро сливается; и очень рано имя «Руси» из термина этнического превращается в термин политический» (ибо «заморские гости превратились в с в о ю русь, настолько близкую и родную», что ее имя уже в X в. стало общенациональным, объединившим и примирив-

шим туземных славян с пришлыми, еще недавно чужими скандинавами»).

Развивая идею о двух волнах прибытия скандинавов к восточным славянам, нацеленную на снятие противоречий норманнской теории и с особенной силой прозвучавшую в 1915–1919 гг. в трудах обладавшего высочайшей научной репутацией летописевода А.А. Шахматова, и считая, что «русь и варяги – два аспекта одного и того же явления», Браун пояснял: если русь – это «шведы первого призыва, осевшие среди славян и финнов... и чувствующие себя здесь дома», то варяги – это представители «второго призыва», которые с IX по начало XI в. «приходят и уходят, они дома в Швеции; в России они остаются чужими» (причем слово «варяг» есть «такое же специфическое русское, как слово “Русь”»).

«Ясную» для себя картину начала русской истории Браун рисовал, опираясь и на «предметы скандинавского происхождения, говорящие о пребывании заморских гостей в России», посвятив им специальный раздел. Но при этом и без них рассуждая столь же «ясно»: хотя в Полоцке и ближайшей его округе «скандинавских вещей не найдено вовсе, но принадлежность его к скандинавским центрам засвидетельствована летописью» (однако, стоит здесь обязательно заметить, ничего и близкого к тому нет ни в одной из них). И этот пример, по мнению лингвиста, «наглядно показывает, что отсутствие археологических данных не может служить доказательством чего бы то ни было», потому как, «возможно, что были находки, пропавшие для науки; возможно, что завтрашний день даст их».

Исходя из ошибочной посылки археологов-норманистов, породившей массу других ошибок, прочно осевших в науке, что за каждой скандинавской вещью (причем многие из них произвольно были отнесены к таковым) непременно стоит скандинав, Браун уверял: «Археология многократно доказывает существенный для нас факт», что скандинавы являлись на Русь не только в качестве купцов и викингов, что «они оседали тут и в одиночку в городах, и группами» («со своими скандинавскими же семьями»), что они основали «многолюдные скандинавские поселения с богатым скандинавским инвентарем и чисто скандинавскими типами погребений», что эти древнейшие скандинавские поселения «довольно густой сетью покрывают весь край до Ильменя, заходя и за это озеро, на что указывают и многочисленные следы имен “Руси” и “варягов” в географической номенклатуре этой области», и что они вообще широко разбросаны по русской земле.

Для него также предельно «ясно», что Ярославский край представлял «один из центров скандинавской жизни в России, как показали многочисленные случайные находки и в особенности раскопки... в селе Михайловском и в Большом Тимиреве», что четырехугольник, «обозначаемый городами Ростов-Переяславль-Суздаль-Муром... усеян могильниками, в которых найдены многочисленные очень типичные скандинавские предметы» (т.е. «в земле мери и муромы в IX–XI веках жило немало скандинавов», вошедших в состав новгородского «русского» княжества), что Ростов, Суздаль и Муром упоминаются в исландских сагах, «очевидно, заходящие исландцы находили здесь своих соотечественников». Однако в течение XI в. скандинавский элемент здесь «вероятно уже слился с окружающей его финской стихией и с немногочисленными сла-

вянскими колонистами», а когда в середине XII в. «началась русская (в новом смысле) колонизация Ростово-Суздальского края... то она, по-видимому, уже не застала здесь никаких следов варяжской жизни. Но возможно, что в нашем богатыре Илье Муромце мы вправе видеть отголосок этой далекой старины».

Таким же крупным центром «скандинавской жизни и торговли» было Гнездово под Смоленском, что в целом на Руси, как можно предположить, «в разных местах... сидели такие же скандинавские “князья”, какими были Рюрик и его братья» (например, Рогволод в Полоцке, Тур в Турове, а «чисто скандинавское имя» Ольги «дает право предположить, что она была дочерью какого-нибудь князя, засевавшего в Пскове... Спорна также личность Мала, князя древлянского; возможно, что и он был скандинавом»), что в договоре Олега с византийцами читается «15 чисто скандинавских имен», что в посольстве Игоря находились, наряду с его послами, послы «мелких шведских “князей”, которые либо посажены великим князем по городам в качестве наместников, либо были ранее независимы, но присоединены к киевскому княжеству Олегом и Игорем» [19, S. 179–184; 20, с. 148–151; 21, с. 329–353; 22, с. 99–115, 213–234, 318–323; 23, с. 292–308].

(В том числе и под влиянием статьи Брауна лидер советских историков, во второй половине 30-х гг. ставших адептами марксистской концепции генезиса Русского государства, согласно которой оно возникло в процессе внутреннего развития восточных славян, «а не действий норманнов-варягов», и потому гордо именовавших себя «советскими анти-норманистами» [24], академик Б.Д. Греков, по работам которого сверялись представители историко-филологической науки СССР, в 1936 и 1939 гг. тиражировал мысль, что русь вышла из «Рослагена»: «Эта гипотеза кажется мне наиболее вероятной». А в учебнике «История СССР», который был издан в 1939 г. и на котором возрастали будущие историки – студенты университетов и педагогических институтов, объяснял, что «Северная Русь, по-видимому, связана со Скандинавией, а именно с частью Швеции на северном берегу Финского залива – Упландом, к северу от озера Мелара. Прибрежная полоса, лежащая против Финского залива, называлась Рослаген (см. у Томсена)» [25, с. 169; 26, с. 226; 27, с. 91–92]).

А.Л. Погодин, убеждая в том же 1925 г., что «на важнейшем водном пути “из варяг в греки” была расположена целая система гарнизонов, превратившая норманнов из случайных завоевателей в создателей государства», заключил, «что самый вопрос о происхождении Руси может считаться законченным, и его надо передвинуть в другую плоскость, т.е. остается выяснить, через какую среду проникло имя Русь в славянский язык и к какому периоду это проникновение может фонетически относиться». Отвечая на эти, по его оценке, «чисто филологические вопросы», он предположил, исходя из предположения «основателя научной разработки варяжского вопроса» А.А. Куника о наличии в Швеции родов, с которыми были знакомы славяне, возможность или непосредственного перехода древнешведского *rods* в Русь, или через промежуточную форму Рудсь (категорически отрицая «ходячее предположение» о переходе слова «Русь» «не непосредственно от скандинавов, а через посредство западнофинского языка», ученый резонно заметил,

что «древнефинская среда представляется настолько малокультурной, что трудно себе представить, что название народа, создавшего государственность среди северных славян, к этим последним перешло от финнов», которые сами заимствовали «огромное количество» слов из латышского, литовского и древнерусского языков).

Аргументируя свою позицию, Погодин, во-первых, отметил, ссылаясь на мнение финского слависта Ю. Микколы, что область бытования финской формы с группой согласных *ts* в *Ruotsi* «очень маленькая: в южной части Выборгской губернии при границе» и что «наше теперешнее обозначение *-ts-* есть продолжение (визуальное) старого *-tz-*, но уже с иным произношением. Первоначальное сочетание было, по-видимому, *-us-*». Отсюда, во-вторых, в поисках финского оригинала русского Русь надо, видимо, исходить не из форм *Ruotsi*, «а из первоначальной западнофинской формы *Ruopsi* или без дифтонга, которое имеет позднейшее происхождение *Rõpsi*. Мы не знаем, как должно отражаться в древнерусском языке западнофинское *-ps-*, но у нас нет никакого основания предполагать, что оно дало бы *-c-*. В равной степени, думается, можно предположить в качестве рефлекса этого звука древнерусское *ч* или *ц*» (т.е. руч или руц, а не рус).

Таким образом, «кажется, можно считать достоверным, что никакого финского посредства здесь не было: древнешведская форма *Ryvs* прямо перешла в русскую Русь: или непосредственно с выпадением *d* перед *s*, или же через промежуточную форму Рудьс, где *d* соответствует древнесеверному *v*, как в *Асмудъ-Астму*». Причем имя «Русь», заключал исследователь, могло появиться у восточных славян в готский период, в IV–V веках. Но не может быть и речи, говорил он вместе с тем, что из шведского источника произошло и имя «рось», т.к. германское имя не могло быть заимствовано в двух вариантах (русь и рос), а шведское долгое *ō* «не могло дать в русском языке звука *о*» [28].

Г.В. Вернадский в 1927 г. утверждал, что норманны – «смелые воины, разбойники и купцы» – в самом начале IX в. проникли в земли восточных славян, которые звали их варягами, и к югу от о. Ильмень основали значительное поселение, «вероятно, там, где стоит город Старая Русса», что немного позже 800 г. они «вошли в соприкосновение с хазарами», через посредство которых «повели усиленную торговлю с Арабским Востоком», что спустя несколько десятилетий варягами открыт был и «днепровский путь, ведущий к Византии», что не позже 842 г., как о том рассказывает житие Георгия Амастридского, «значительные отряды варягосов появились на Черном море», а затем в июне 860 г. совершили поход на Константинополь, который «должен был окончательно способствовать созданию варяго-русского государства», и что «после образования варяжского княжества Киевская земля всюду в летописях называется “русской землей”».

Историк, не сомневаясь, что имя «Русь» принесли к нам варяги, вел речь о их двух волнах прибытия на Русь (после перехода первой волны на юг в Киев и Царьград новгородские славяне свергли варяжскую власть, а затем призвали новую ватагу «варяжских воинов для того, чтобы отбиться от прежних господ – варягов, осевших в Киеве»), считал, что «варяжский вождь» Олег Вещий символизирует собой борьбу варяго-славянского севера с варяжским югом, что захват им Киева «представ-

ляет собою окончательное утверждение Киевского государства». Вместе с тем Вернадский объяснял отсутствие каких-либо следов пребывания скандинавов на Руси обычной отговоркой норманистов: «Очень скоро, однако, варяги ославянились; варяжская дружина (вряд ли особенно многочисленная) быстро растворялась в славянской массе, и только в княжеском доме еще теплилось сознание своего кровного родства с скандинавскими владетельными домами» (как позже точно заметит также находящаяся в эмиграции Н.Н. Ильина, магическое слово «ославяниться» «призвано устранить одну из основных несообразностей норманской гипотезы») [29, с. 54–58; 30, с. 34].

В 1929 г. Н.Т. Беляев, желая примирить неприемлемое – византийские известия о руси, действовавшей в южных пределах Восточной Европы в первой половине IX в., т.е. за много лет до призвания варягов, с норманской теорией, также вел разговор о разновременных потоках скандинавов на Русь. Но, соглашаясь с возможностью перехода *rods* в Русь без содействия финнов, вместе с тем не принял посылку А.Л. Погодина о существовании в Швеции небывалых в ее истории родов. А убедившись в справедливости заключения С.А. Геденова об отсутствии у шведов имени Рюрик, отчего норманская теория рассыпалась, возобновил разговор, начатый в 1830-х гг. дерптским ученым Ф. Крузе, о тождестве летописного Рюрика и викинга Рорика Ютландского/Фрисландского, якобы приглашенного в 856 г. новгородцами для отражения набегов других викингов (против этой идеи, вновь ныне взятой, опять же по факту отсутствия должных аргументов, на вооружение отечественными приверженцами норманизма, категорично выступили крупнейшие норманисты XIX в. М.П. Погодин и А.А. Куник, ибо она рушила классический норманизм, во главу угла изначально ставящий в качестве родины Рюрика Швецию).

Не сомневаясь, что тождество Рюрика и «предприимчивого и энергичного» Рорика, «напрашивается само собой», Беляев полагал, что с этим датчином в Новгород прибыли фризы, проживавшие многочисленной колонией в шведской Бирке, самоназвание которых – «*frësa*» или «*frësen*» – перешло, посредством финнов, в язык восточных славян как имя «Русь». И увидел в них, по А.А. Шахматову, «древнейший слой варягов» – руссов Рюрика (он «и сын его Игорь, как Скиольдунги, принадлежали к царственной линии и были “верховными” конунгами», тогда как полоцкие Рогволодовичи были Инглингами), Аскольда и Дира, утвердивших свое имя в Киеве (при этом характеризуюя конец VIII или самое начало IX в. как время первого появления и активных действий норманнов в Причерноморье). Затем это имя принимает другая волна варягов – норвежцы во главе с Олегом Вещим. Во второй половине X в. появляются на Руси новые варяги, «главным образом скандинавского и англосаксонского происхождения» [31; 32, с. 235–240].

Тогда же князь А.М. Волконский буквально мимоходом сказал о норманнах в привычном для норманизма ключе: «Это удивительное племя навязало славянам свою власть, смешалось с ними и послужило теми дрожжами, на которых поднялась великая русская государственность. ... Остатки этого племени процарствовали в России до XVII века»

(стоит подчеркнуть, что главная тема его небольшой брошюры, актуальность которой особенно видна в наши дни, т.к. указывает на один из этапов создания проекта антирусской Украины, – это вскрыть благоглупоститогдашних, по определению автора, «украиноманов», вместо истории Руси рассказывающих на Западе историю «Украины» и «украинцев») [33, с. 10, прим. 15].

В том же 1929 г. В.А. Мошин на первом съезде славянских филологов в Праге (его материалы были опубликованы в 1931 г.) заявил в докладе «Главные направления в изучении варяжского вопроса за последние годы», что варяжский вопрос уже в первой половине XIX в. «был переведен в плоскость филологии, и в настоящее время (в его научной трактовке), пожалуй, более является вопросом лингвистики, чем чисто исторической проблемой» (а эти слова есть прямое признание отсутствия опоры для норманской теории в письменных источниках. В 1875 г. и А.А. Куник констатировал, что данный вопрос невозможно разрешить «чисто историческим путем» и что его решение выпадает «на долю лингвистики». Однако после Т.Ю. Арне ведущей в его трактовке стала археология, также изначально тотально «зараженная» норманизмом).

Недоуменно вопрошая, «как хватает смелости у несдающего антинорманизма выступать против теории, защищаемой всюду признанными лингвистическими и историческими авторитетами?», автор варяжский вопрос свел к изучению «самого процесса норманской колонизации в Восточной Европе», «к определению степени культурного воздействия скандинавов на восточных славян, и к выяснению лингвистической стороны вопроса». Рассматривая эти аспекты по порядку, он из новых трудов, посвященных изучению норманской колонизации на востоке, отметил прежде всего труды Т.Ю. Арне, Р. Экблома, А.А. Шахматова, Ф.А. Брауна, Н.Т. Беляева, т.к. они дают, «по-видимому, уже твердые данные для подтверждения гипотезы о существовании» в течение VIII–IX вв. широкого процесса колонизации скандинавов, создавших в Восточной Европе, в бассейнах всех больших рек «целый ряд независимых норманских княжеств».

Обосновавшиеся в крепостях-факториях скандинавы, сделавшись «важнейшим фактором в политическом, экономическом и культурном быту» местных славян, собирали с них разнообразную дань, отправляя ее затем «на далекие мировые ярмарки. Процесс этот засвидетельствован археологическими данными – огромным количеством арабских монет, привозимых скандинавами с востока, и скандинавскими предметами, находки которых точно указывают местонахождение отдельных скандинавских колоний». Вместе с тем историк утверждал, что и письменные источники говорят об основании некоторых таких норманских княжеств (хотя ничего подобного нет ни в одном памятнике). Не сомневаясь, что «Русь» на Черноморьи появилась значительно раньше основания Рюриком «русского государства» в Новгороде», т.е. в первой половине IX в., ученый также безапелляционно заключил: «Это русские-норманны. Они – “шведского рода”».

Касаясь аспекта славяно-скандинавских взаимоотношений, исследователь резюмировал: «Во всяком случае варяжское влияние на Руси нельзя считать очень значительным. Оно определялось ролью варягов-торговцев, как культурных транзитеров, во-первых, и, во-вторых, ролью норманских дружин, организовавших единое политическое устрой-

ство на огромном пространстве Восточной Европы, занятой многочисленными славянскими, литовскими и финскими племенами». Также и лингвистическая сторона варяжского вопроса – главная в понимании историка Мошина – была для него совершенно ясна: «До сих пор остается неизбывным, недавно вновь сформулированное акад. Шахматовым, воззрение об образовании имени “русь” из финского термина Ruotsi, служащего финнам для обозначения Швеции», и образовавшееся «еще в прафинскую эпоху» финское Ruotsi – «несомненно скандинавского происхождения».

По этой причине он отвергал, с одной стороны, версию А.Л. Погодина, что восточнославянское слово «русь» «образовалось без посредства финнов, непосредственно из шведского термина *rods*», с другой, идею о происхождении Ruotsi от Roslagena, в основе которого якобы лежит древнешведское гюеуг-гребля. Отмечая, что «слово *rods*, по принятому воззрению, в скандинавском языке не было этническим термином, а имело значение профессии», Мошин напомнил всесторонне аргументированный вывод Г.А. Розенкампа столетней давности, «что слово *rodhsin*-гребцы даже в XVIII-м веке имело значение профессии и никогда не употреблялось в значении племенного термина, который мог бы вызвать образование финского и русского термина Ruotsi-Русь» (одновременно он напомнил, что, «как известно, и Куник в своих позднейших исследованиях отказался от мысли связывать Русь с Рослагеном, а в недавнее время с сомнением относился к этому решению и Шахматов») [34, с. 396–399, 457; 35].

В 1931 г. увидело свет актуальное и сегодня (в том числе в силу довольно слабого знакомства нынешних норманистов с историографией) исследование Мошина «Варяго-русский вопрос», впервые подводившее итоги его почти двухсотлетнего изучения отечественными и зарубежными специалистами (Г.В. Вернадский в 1943 г. справедливо оценил этот обзор как превосходное [36, с. 284], хотя в ряде случаев автор дает ошибочную информацию, в силу как своей непоколебимой веры в истинность норманизма, так и по повтору, в связи с отсутствием в библиотеках Югославии важных работ русских ученых XIX в., историографических заблуждений).

Верно говоря, что «в последнее время все сильнее и сильнее ощущается потребность составления общей сводки всей литературы, посвященной варяжскому вопросу» (вопросу, как было им уточнено, о начале Русского государства, который невозможно решить без знания его историографии), ученый констатировал: имеющиеся обзоры «не дают по этому вопросу исчерпывающих данных». Подчеркнув затем особо, что «еще хуже обстоит дело со многими краткими характеристиками варяжского вопроса, попадающимися в учебниках и популярных трудах по русской истории, не только не дающими действительной картины развития вопроса, но часто страдающими значительными и вредными ошибками».

И озвучил три такие «значительные и вредные ошибки», мешающие делу (и продолжающие мешать сейчас): «Во-первых, весьма ошибочно мнение, считающее варяго-русский вопрос борьбой объективной науки с ложно понятым патриотизмом. ... Было бы весьма занятно искать публицистическую, тенденциозно-патриотическую подкладку в анти-норманистских трудах немца Эверса, еврея Хволь-

сона или беспристрастного исследователя Гедеонова». «Во-вторых, еще более ошибочно мнение, считающее норманскую теорию защитницей летописной традиции о призвании варягов, а антинорманскую – теорией автохтонности руси-славян на их теперешней родине. Есть много норманистов, которые отрицают историческую верность летописной традиции; с другой стороны, автохтонность руси-славян исповедуется далеко не всеми антинорманистами».

«В-третьих, никак не могу согласиться с пространенным мнением о научной ценности антинорманистских трудов», что «якобы между антинорманистами “кроме единственного (С. Гедеонова) нет ни одного настоящего ученого; все остальные – лишь дилетанты в исторической науке”. Эверса, Костомарова, Юргевича, Антоновича никак нельзя причислять к дилетантам, а, по моему мнению, этот эпитет нельзя приложить и к Иловайскому, филологические доказательства которого действительно слабы», «но который в области чисто исторических построений руководился строго научными методами, и доказал свою большую эрудицию в русской истории прекрасным трудом “История России”», что «некоторые из его тезисов (напр., существование Черноморской Руси в IX–X-м веке) были приняты и учеными противоположного направления» (а тогда советская наука отзывалась о дореволюционных антинорманистах, обвиняя их в «великорусском шовинизме», резко отрицательно. Согласно ей, например, Д.И. Иловайский есть мракобес-крепостник, «черносотенный популяризатор дворянской концепции русской истории», что его «История России» преследовала политические цели обработки общественного мнения «в монархическом черносотенном духе», а «Разыскания о начале Руси» не представляют научной ценности. В том же ключе ведут разговор об этом ученом и современные норманисты).

Совершенно верно ставя вопрос о «нарочитой осторожности в интерпретации исторических источников и в толковании народной традиции», Мошин в то же время твердо был убежден в том, что ПВЛ хотя и понимает под варягами многие народы, но обычно разумеет под ними только скандинавские. В отношении же этноса руси он сказал, что летописец считает русь варягами, а в последних видит шведов. Однако здесь же, что в очередной раз характеризует его стремление к объективности, воспроизвел, полностью соглашаясь с ними, контраргументы оппонентов, акцентирующих внимание на явных противоречиях норманской версии.

А именно: «Летописец, например, утверждает, что русь – это одно из норманских племен, живущее на берегах Варяжского моря, тогда как ни один скандинавский или какой-нибудь другой иностранный источник не знает такого племени. Почему летописец различает шведов и русь как два особых племени? Если термин русь произошел от финского слова Ruotsi, – почему славяно-шведское государство приняло собственное имя шведов, а имя, которым их называли финны? Если восточные не славяне до “призвания” называли шведов “русью”, почему не зовут более этим именем шведов после призвания? Летописец рассказывает, якобы Рюрик, Синеус и Трувор “поюша всю Русь”, т.е. что в Россию вселилось целиком какое-то норманское племя; между тем никакой другой источник не упоминает о каком-либо похожем событии. Почему норманны

в 839-м году в Царьграде и в Западной Европе сами себя называют “Rhos” – именем, которым их звали финны?» (а рассуждая о запутанности вопроса об имени «русь», привел абсолютно противоречащее норманистской трактовке свидетельство византийского хрониста последней трети X в. Псевдо-Симеона, которое тот передает со слов самих же росов, что они «получили свое имя от некоего храброго Роса, освободившего их от тяжелого ярма какого-то народа»). Вместе с тем историк серьезно критиковал, по собственной оценке, «“ультранорманизм” шлецеровского типа», подчеркивая, что его похоронил С.А. Гедеонов.

Подводя итоги, Мошин предложил не делить ученых на норманистов и антинорманистов, потому как «эти термины, понятные при Миллере и Тредьяковском, весьма неудобны для охарактеризования большинства теперешних исследователей. Так, ультранорманизм шлецеровского типа давно уже сделался одним из прошлых моментов в истории вопроса с тех пор, как вопрос о начале русского государства стал изучаться в связи с историей русской территории и с историей русской культуры. Совершенно так же немислим теперь и чистый антинорманизм, безусловно отрицающий всякое участие норманнов в образовании русского государства».

Но тут же четко объяснив, какое решение варяго-русского вопроса они обязаны принять: «Нельзя отрицать норманское происхождение руси» (ибо это доказывают, например, «прочная древняя традиция о варяжском происхождении основателей русского государства», «неоспоримый лингвистический факт, что финны и теперь еще называют... шведов русью (Ruotsi)», имена послов русско-византийских договоров, восточные источники, «которые хотя и не называют русь норманнами, но различают руссов от славян и описывают русские обычаи таким образом, что они, сильно отличаясь от славянских, очень напоминают скандинавские», археологический материал, свидетельствующий о «норманской колонизации в Восточной Европе»).

Считая, что лишь «влияние скандинавской культуры на славян не было велико» (ибо в отрядах варягов «не было женщин», и «дети, происшедшие от браков норманнов с славянскими женщинами, должны были чрезвычайно быстро ассимилироваться с окружающей славянской средой»), Мошин в целом подытоживал: «Роль варягов в России была прежде всего политической, и влияние их, по-видимому, ограничилось тем, что они: 1. дали толчок к образованию русского государства, выполнив внешнее объединение разбросанных славянских племен; 2. своими военными и торговыми предприятиями сблизив восточных славян с Византией и содействуя распространению христианства, создали почву для подготовки внутреннего объединения “свято-русской земли” и 3. передали славянам имя руси» (хотя, все же отметил он, происхождение термина «русь» «нельзя еще считать окончательно выясненным») [37; 38, с. 18–23; 39; 40].

В том же 1931 г. Мошин в статье «Начало Руси», развивая свои принципиальные тезисы (норманны, а в этом и заключается их главное значение, дали толчок к образованию Русского государства; имел место быть широкий процесс норманской колонизации на востоке; нужно отказаться от деления исследователей на норманистов и антинорманистов и пр.), довольно увлеченно рисовал скандинавское начало русской истории. Согласно кото-

рому первые фактории норманнов в Северной Руси могли образоваться не ранее VIII в., что уже в начале IX в. «русские норманны», главным центром которых была Ладога, объединили большие территории Восточной Европы, в его середине признав верховную власть скандинавского государя (или, предлагался широкий выбор, датского короля Эрика, или шведского государя Бирки, короля Бьорна, или выгнанного им и впоследствии вернувшегося в Бирку короля Онулда, или, наконец, короля Рорика Ютландского).

Для вящей убедительности вместе с тем говоря, что остатки скандинавских поселений IX–X вв. «густой сетью покрывают целый край к югу» от Ладожского озера до Ильменя, что к югу от него «целая область кишит скандинавскими поселениями, рассеянными по всем важнейшим водным путям, идущим от Ильменя» (о чем свидетельствуют названия с корнем «рус»), что археология открыла «остатки целого ряда» таких поселений, что норманны были главными посредниками в торговле между Восточной Европой и арабами, что на рубеже VIII–IX вв. на черноморских и азовских берегах появились норманны и основали там свои колонии (включая Таманскую Русь, якобы «остров русов» восточных авторов, откуда норманны совершали набеги на Амастриду, а затем на Константинополь в 860 г.), что тогда же Византия познакомилась со скандинавской «русью» (финское Ruotsi произошло от какого-то скандинавского слова, от него же, вероятно, и Roslagen), что норманнская русь, прибыв в Киев в виде наемной дружины, захватила там власть, что норманны в середине X в. пытались обосновать княжество в г. Бердаа на Кавказе в устье Куры (и дополнительно ведя речь о следах норманнской руси в Польше).

Утверждая, что скандинавский эпос «дал русским славянам несколько своих мотивов», что наше язычество обогатилось «некоторыми примесями из религии и культа северных германцев», что Сказание о призвании варягов является бродячей легендой, сохранившейся в разных вариациях у многих народов, где германский элемент участвовал в создании государства, историк вместе с тем пришел к выводу, видя тому причину в невысоком развитии скандинавской культуры, факт «незначительности норманнского влияния на древнюю Русь». В связи с чем (а также после работ И.И. Срезневского, С.А. Гедеонова и др.) «не может уже существовать ультранорманистское понимание этого влияния, выводившее некогда почти всю древнерусскую культуру из скандинавского источника. Но невозможно и совершенно отрицать это влияние».

Однако все, что произносил Мошин (впрочем, как и другие эмигранты), было ультранорманизмом, в ряде пунктов лишь несколько откорректированном под воздействием критики антинорманистов. Так, рассуждая о влиянии скандинавов на славян, которое, на его взгляд, видно в лексике, праве, язычестве, эпосе, одежде, вооружении, признал, что подобных следов нет в русской культуре. Но и тому давая давнее норманистское объяснение: «Впрочем, говоря о скандинавском влиянии на Русь, нужно все время иметь в виду, что влияние это было ограничено лишь княжеским двором и ближайшей к нему средой, причем и там его вскоре не стало под влиянием ассимиляционной силы славянского племени» [4, с. 34–44, 48–51, 56–57; 41, с. 287–298, 302–303].

В 1931 г. Е.Ф. Шмурло детально представил, развивая сказанное девятью годами ранее и излагая вместе с тем историографический материал (существенно дополняя В.А. Мошина, особенно в освещении современной литературы), в первом томе литографированного «Курса русской истории» взгляд на вопрос «о происхождении варягов-руси, положивших основание Русскому государству» (названный трехтомник, вышедший тиражом 100 экземпляров, был очень высоко оценен за научные достоинства ведущими историками эмиграции).

Придерживаясь теории двух колонизационных потоков скандинавов на Русь, историк убеждал, что норманны-варяги – «одновременно грабители-насилыники и торговцы» – появились «в пределах будущей России» в конце VIII в. (около 800 г.), ведя оживленную торговлю в землях болгар, буртасов и хазар, что на берегах Ильменя «они основали большую колонию, силою подчинив себе местное население»: словен, кривичей, чудь и мерю, в связи с чем «сделались хозяевами» Волжского пути, что «это полуразбойничье гнездо» – Ильменский каганат – проявляло некоторый уклон к торговле, что у него же «видим первые зачатки государственности», что их царек, видимо, «под влиянием частых сношений с хазарами», носил титул хакана. Затем норманны в верховьях Западной Двины основали еще одну «военную колонию», из которой впоследствии выросло Полоцкое княжество.

Та же Ильменская Русь, ставшая известной в Византии и на Западе в 839 г., начала, в лице Аскольда и Дира, первой осваивать Днепровский путь, который шел через земли, «хотя и готовые воспринять государственность, но еще не воспринявшие ее». И ферментом, способствовавшим этому процессу, «стали пришельцы с севера», выступавшие «как положительный элемент, деятельными участниками в местной жизни, в роли правителей и защитников страны». Какое-то время спустя представители Ильменской Руси были изгнаны на севере за море, после чего у ильменских словен, кривичей, чудь и мери вспыхнули раздоры, закончившиеся призванием другой норманнской руси, у которой, в отличие от предшественников, «появились общие интересы с местным населением», а ее глава Рюрик заложил «первый камень в фундаменте нового здания». Со взятием Олегом Киева разрозненные племена были скреплены, а имя «Русь», которое норманны получили от финнов, распространилось на всю страну.

Свои рассуждения Шмурло также, как и в 1922 г., венчал выводом, что в русской истории норманны – «ничтожная горсточка» – сыграли «роль фермента: дрожжи заквасили муку и дали взойти тесту», что они «положили начало политическому воспитанию русских племен», прививая им сознание, что они должны действовать сообща, «иметь одно общее дело, в силу самой общности своих интересов», и что первые русские князья, а в этом и состоит их главное значение, «заложили первый камень в том фундаменте, на котором позже стал строиться весь наш государственный порядок и общественный быт» (причем они «еще не сразу забыли свое варяжское прошлое», а «в описании русской летописи Святослав напоминает тех норманских викингов, для которых война, пролитая кровь, зарево пожаров составляли смысл, цель и поэзию самой жизни») [42, с. 68–77, 81–82, 361–387; 15, с. 11].

Также в 1931 г. М. Фасмер без проблем «открыл» множество лингвистических подтверждений пребывания шведов в Восточной Европе, живших там, по его мнению, как во временных, так и в настоящих шведских крестьянских поселениях, т.е. колониях – в Гнездове, Михайловском, Тимереве. Традиционно видя «следы викингов» в именах князей и их дружинников, в «русских» названиях днепровских порогов, в «скандинавских» археологических находках, он к ним прибавил еще 118 топо- и гидронимов (в два с половиной раза больше, чем насчитал в 1915 г. его коллега швед Р. Экблом, на которого ссылается) в Петербургской, Новгородской, Псковской, Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Смоленской, Орловской, Курской, Черниговской губерниях.

И такого результата профессиональный языковед достиг традиционной для сторонников норманской версии «методой» – посредством объявления, а не установления, генетической связи между созвучиями (близкими, не очень и совсем уж далекими). Например, название столицы древлян Искоростень он представил в качестве образованного от личного скандинавского имени Skarfstein (надо добавить, что в 1929–1930 г. ученый с той же легкостью отыскал «следы викингов» в истории южнобалтийских славян, а имя их божества Прове-Перуна посчитал заимствованием от имени скандинавского бога Фреуг-Фрейра). Вместе с тем Фасмер уверял, что имя «Русь» восходит к др.-сев. Rops-karlar, стоящему в связи с названием Roslagen, что русы жителя Георгия Амастридского – это норманны, что «русское» еще в X в. означало скандинавское [43, Р. 11–30, 40–57; 44, S. 151–153; 45, S. 142–150; 46].

В 1932 г. вышли две статьи А.Л. Погодина «Варяги и Русь» и «Три заметки о начале Русского государства». В первой автор, излагая свои соображения по проблеме варягов и руси, анализирует современную литературу (эмигрантскую, польскую и – больше – советскую) по варяжскому вопросу. При этом констатируя, что при ее изучении «на каждом шагу встречаешь явные фантазии, не вытекающие из состояния наших источников», что в ней «так мало ценного и положительного» (показательно, что работу Н.Т. Беляева о тождестве нашего Рюрика и датского викинга Рорика он охарактеризовал как «роман о жизни Рюрика»), что «знакомство со старой литературой вопроса могло бы... иногда и предотвратить от повторения старых ошибок, и направить исследование по более верному пути».

В качестве подтверждения своих слов историк продемонстрировал, что система подсчета М. Фасмера 1931 г. не соответствует ряду важных методологических требований (так, например, «в области финского автохтонного населения имена следует объяснять прежде всего из финских языков, и только в случае невозможности этого следует обращаться к источникам иноязычным»). После чего резюмировал, что «случайность и произвол» автора в толковании географических названий – по причине их случайного созвучия – «с помощью древнесевверных имен и названий бросается в глаза на каждом шагу». Хотя многие из них объясняются из финского и русского языков, а другая часть вряд ли относится к эпохе начала Русского государства. Да и вообще, по его весьма дельному замечанию, «странно видеть в каком-нибудь глухом Чухломском уезде, в стороне от больших торговых путей, в непроходимых лесах и болотах, которые покрывали

тогда этот край, вдруг поселения викингов, настолько прочные и значительные, что их названия сохранились до сих пор».

Подчеркивая далее, «что путь таких толкований есть путь опасный» что «при некотором увлечении не трудно будет любое из географических названий возвести к какой-нибудь предполагаемой древнесевверной форме», Погодин заключил: число «следов викингов» на Руси следует значительно сократить. А остановившись на выводах Р. Экблома и С.Ф. Платонова (в 1920 г. академик, развивая идею А.А. Шахматова о давнем пребывании в северо-западных пределах Восточной Европы шведской руси, увязал многочисленные «древние» «русские» названия южного берега Ильменя между реками Полистью, на которой расположена Старая Русса, и Полоу со скандинавами), прочно вошедших в науку, подытоживал: они вытекают из «неправильной» гипотезы, «что всюду, где мы встречаем географические названия, восходящие к слову Русь, мы имеем остатки древнейшей варяжско-русской колонизации». К всему же «русские» названия, которыми оперировал Платонов, являются позднейшими, «не имеющими касательства к древнейшей истории русского государства» (стоит добавить, что датский ученый К.Р. Шмидт, критически пересматривая в 1968 г. основные положения одного из создателей проблемы скандинавских влияний на русские географические названия Экблома, поставил под сомнение не только выводы, но и саму методику его работы).

Погодин, относя движение норманнов на Русь к началу IX в. и считая, что «напрасно искать объяснения имени Руси вне Скандинавии» («ни о каких русах на Крымском полуострове история не знает» и русь не связана, на что указывал А.А. Куник, с роксоланами) и «что значило первоначально имя Русь этимологически... совершенно не доступно исследованию», убеждал, что в его основе несомненно лежит шведское слово, которое славяне заимствовали «не через финское посредство, а непосредственно от руси» (сначала это было «в тесном смысле наименование части норманнов»), и что название «Русь» «восходит к др.-сев. Rops-karlar, стоящему в связи с местным названием Roslagen».

Вместе с тем полагая, что варяги есть общее наименование северогерманских племен, расположенных по Балтийскому морю, т.е. это имя происхождения не этнического, причем «так же не имеет своей окончательно установленной этимологии, как и русь». Во второй статье Погодин уверял, что договор Игоря с греками 945 г., где имена послов – шведские, несет в себе следы знакомства со скандинавским языком (варяжский язык был языком архаичным, диалектным) и что варяги шли из Швеции и Норвегии в Новгород не прямо, а из скандинавских поселений в Эстонии, где до сих пор сохранилось шведское население, и с которым еще в XI в. они поддерживали связи (тогда же ученый всемерно отстаивал «старинную теорию» норманнского происхождения Польского государства, заверяя, что «следы норманнской колонизации в польских землях не подлежат сомнению») [47; 48, с. 93–94, 97, 102–119, 122–130; 49, с. 118–125; 50, с. 209–210].

В 1934 г. Г.В. Вернадский к сказанному в 1927 г. добавил следующие: к середине IX в. норманны прочно обосновались среди восточных славян «по речным путям от Балтийского к Черному

морю», что в 850-х гг. «одна группа варягов захватывает власть в Новгороде, другая – в Киеве», став там называться «в современных источниках русскими, Русью» (причем считая, говоря о бесконечном количестве мнений о происхождении имени «Русь», что этот вопрос «не имеет первостепенной важности»), что после попытки взятия в 860 г. Константинополя «варяги-русь начинают играть крупную военно-политическую роль в Причерноморье», что Олег Вещий – Одд скандинавских саг – положил «прочное начало варяго-славяно-русскому государству в Приднепровье» (в 1938 г. историк в «Звеньях русской культуры» сказал, что, возможно, «культ Перуна был принесен на Русь варягами (скандинавский Тор)») [51, с. 31, 113].

В 1936 г. востоковед В.Ф. Минорский в немецком авторитетном издании «Энциклопедия ислама» отстаивал версию образования имени «Русь» из финского Ruotsi, был непреклонен в мнении, что имена первых русских князей – «без сомнения скандинавские», доказывал норманство варягов и руси обращением прежде всего к показаниям восточных источников (В. Томсен, следует заметить, констатируя неконкретность последних, ибо «они проливают мало света на вопрос о национальности руси», справедливо резюмировал, что «любая теория происхождения руси может находить себе кажущуюся опору в сочинениях восточных писателей») [52, с. 34-35, 47; 53]. На следующий год А.Л. Погодин, обратившись к понятию «внешняя Русь» труда византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.), пришел к выводу, что под ним скрывается Рослаген (Родслаген), в основе имени которого лежит Rōds и который носил название именно «Род-силы Рос без этого добавочного -лаг». Считая, что шведы, вышедшие оттуда в IX в. «называли себя по имени области... – Rōds, собирательным именем существительным».

И, принимая на сей раз вывод С.Ф. Платонова, увидел в Старой Руссе область, «которая соответствовала по значению Рослагену» (в 1925 и 1932 гг. ученый, высоко оценивая наследие А.А. Куника, замечательное «глубиной ума, пониманием важности точного применения научных методов», проигнорировал его заключение, что норманская школа «обанкротилась» с Рослагеном и что его сопоставление с Русью невозможно «уже с лингвистической стороны») [54, с. 138–139; 55, с. 223–224; 28, с. 270; 48, с. 93, 117; 56]. В 1938 г. Погодин убеждал, что русь и варяги – это норманны, преимущественно шведы, что «весь облик Олега варяжский», что Владимир бежал от Ярополка в Швецию (по ПВЛ же, он «бежа за море», которое никак не пояснено), что в Киеве знали «древнесеверный язык» и понимали варяжские слова, что «официальным культом варяжской династии оставалось язычество, принесенное из Швеции», что Перун и Волос есть скандинавские Тор и Один (им имена Перун и Волос дали «славянские толмачи»). Вместе с тем утверждая, что язычество балтийских славян также сложилось под влиянием норманнов, что идолы Владимира были как у балтийских славян, а те – как у норманнов [57, с. 19, 22, 24–25, 28].

В 1943 и 1948 гг. Г.В. Вернадский, уверовав, под воздействием работы шведского археолога Б. Нермана 1929 г., в то, что исландские саги есть исторический источник, подтверждаемый археологически (А.Л. Шлецер, высоко чтя ПВЛ как исторический источник, называл те же саги «бреднями

исландских старух», которые необходимо выбросить «из всей русской древнейшей истории»), в двух своих знаковых монографиях «Древняя Русь» и «Киевская Русь» утверждал, что варяги-шведы в V–VI вв. «широко исследовали южный и восточный берега Балтийского моря», что в VI в. часть их «расселилась в устье Западной Двины», что в следующем столетии «у королей Южной Швеции были заморские владения в Курляндии», что к началу VIII в. «Ливония и Эстония являлись частью королевства Ивара, короля Южной Швеции и Дании». После они двинулись по Западной Двине вглубь континента и дошли до верхней Волги и Оки, а не позднее 737 г. захватили Верхний Салтов. Откуда, идя по течению Донца и Дона, добрались к 739 г. до Азовского и, между 750–760 гг., до Северокавказского регионов.

Вначале варяги поставили под контроль донецко-днепровский речной путь, а после того, как его перекрыли хазары, стали проявлять интерес к Днепру. Приняв название русов от аланского племени рухс-асов («светлых асов», или роксолан, или рокасов), эти «русифицированные» шведы к концу VIII в. создали на территории Дона и Приазовья Русский каганат, контролировавший важнейшие пути международной торговли. К середине IX в. в Старой Руссе возникла связанная с ним торговлей община шведских купцов. Затем на Русь вместе с Рориком Ютландским прибыла «новая русь», состоявшая из датчан. В целом, лишь в Северной Руси ученый выделял «три струи скандинавского потока»: «первые два были представлены шведами (Аскольдом и Диром) и датчанами (Рориком) (его прибытие на Русь состоялось в 855–856 гг.), а третий олицетворяли норвежцы во главе с Олегом. Считая при этом, что поток скандинавов, ставших «правлящим классом Киевского государства» в IX–X вв., иссяк лишь в конце XI в. и что те из них, которые постоянно поселялись на Руси, быстро растворились, как и древнешведское племя русь, «в славянском море».

Концепция Вернадского, в которой ключевое место занимали роксоланы, игравшие столь важную роль в построениях антинорманиста М.В. Ломоносова, была вызвана к жизни явными несуразимыми норманской теории, от которых ее хотел избавить автор: что «никакого племени русов не было известно в Скандинавии и не упоминается в скандинавских сагах», что «единственная зацепка» норманистов Рослаген – «это название провинции, а не племени», что, «понимая несостоятельность рослагенского аргумента, А.А. Куник... переместил свое внимание на шведское слов rodsen (“гребцы”), которым называли жителей прибрежной части Рослагена. Он предположил, что это слово, rodsen (Rods), а в финском произношении – ruotsi, породило название “русь”. Однако, акцентировал внимание ученый, как историккатегорически не принимая выводов норманистской лингвистики, «вызывает споры, возможна ли в соответствии с законами лингвистики такая трансмутация ruotsi в Rus. ... Возможно ли в действительности, что скандинавы, пришедшие на Русь, взяли себе имя в той форме, которая была искажена финнами, встретившимися им на пути? Кроме того, упомянутое название “Rods” само по себе гипотетично. ... И наконец, если имя “русь” произошло от искаженного финского ruotsi, то как нам объяснить, что это название (в форме “рось”, Ρῶς) было известно византийцам задолго до прихода варягов в Новго-

род?» [58, с. 255–259, 264–265, 311–312; 59, 4–7, 17–21, 52–55, 276–285, 394–395, 425–426; 60, с. 22–31, 257–258; 61, с. 222–223; 36, с. 22, 267–268, 270–271, 275–293, 309–312, 320, 334–355, 365–372; 62, с. 27–31, 40–41, 45, 175].

Но норманисты ни на эти вопросы Вернадского, ни на приведенные выше вопросы В.А. Мошина (в обоих случаях они вызваны были к жизни критикой антинорманистов), не могут ответить и сегодня. А данный факт (своего рода «убедительное молчание») есть признание ими абсолютной научной несостоятельности норманской теории, господствующей полностью в зарубежной и во многом в отечественной науке.

К чему такая ситуация привела в последней (в том числе под влиянием рассмотренной эмигрантской литературы), продемонстрировали в наше время, время победившего, по оценке норманистов, то ли «взвешенного и объективного норманизма», то ли «научного, т.е. умеренного, норманизма», весьма высокие научные авторитеты: филолог Д.С. Лихачев, историк Р.Г. Скрынников и археолог Е.Н. Носов. Первый предлагал называть Русь – крупнейшее государство раннего Средневековья, которое было очень хорошо известно в тогдашнем мире и правителей которого ни один источник и прежде всего скандинавские не связывают со скандинавами, – «Скандославией»/«Скандовизантией», второй именовал ее «Восточно-Европейской Нормандией», а третий начал преподносить Новгородскую землю в качестве «Нормандии» [6, с. 121–122].

Подобные научные фантомы, «пожирющие» русскую историю и русское имя, также демонстрируют абсурдность норманской теории, которую еще в 1862–1876 гг. блестяще представил С.А. Гедеонов. Как, например, констатировал в 1874 г. норманист Н.П. Ламбин, он, «можно сказать, разгромил эту победоносную доселе теорию, созданную трудами целого ряда ученых; по крайней мере, расшатал ее так, что в прежнем виде она уже не может быть восстановлена». После чего уже сам Ламбин говорит о ее «несостоятельности» и признает, что она «доходит в своем последовательном развитии до выводов и заключений, явно невозмож-

ных, – до крайностей, резко расходящихся с исторической действительностью. И вот почему ею нельзя довольствоваться! Вот почему она вызывала и вызывает протесты!...» [63, с. 226, 228, 238–239].

И одним из таких ярких протестов стала монография эмигрантки Н.Н. Ильиной с красноречивым названием «Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки», изданная в 1955 г. в Париже (была почти завершена перед Второй мировой войной). В полном согласии со своей супругой был ее муж – великий русский философ И.А. Ильин, который в 1950 г. в письме В.А. Рязановскому подчеркивал, что «давно пора сбросить этот шлещеровски-байеровский гипноз, который странно заворожил русских историков, кончая Ключевским и Струве» [30, с. 23, подстрочник].

Выводы

И замечательная чета Ильиных совершенно права: давно назревшую задачу нашей науки по сбрасыванию с себя норманистского гипноза, наполняющего яркими и удивительными событиями русской истории историю шведскую, о которой крайне скупко рассказывают исландские саги, вобравшие в себя прошлое скандинавских народов (в основном норвежцев и датчан), необходимо решить окончательно. Причем установление подлинной истории Руси (именно так она именуется в русских источниках, в иностранных – Ρωσία, Russia, Ruthenia) и подлинных начал русской государственности благоутворно скажется не только на развитии нашей науки в целом, но и на нашем самосознании, следовательно, на нашем настоящем и будущем.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Источник финансирования

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светославъ» в рамках научного проекта № 2/2022 по теме: «Варяго-русский вопрос в системе современных наук: итоги дискуссии и перспективы изучения».

Библиографический список

1. Браун Ф.А. Варяги на Руси // Беседа. Берлин, 1925. № 6–7. С. 300–338.
2. Пресняков А.Е. Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории // Памяти Вильгельма Томсена. К годовщине со дня смерти. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1928. С. 35–50.
3. Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.–Л.: Гос. изд-во, 1930. 280 с.
4. Мошин В.А. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // Byzantinoslavika. Ročník III. Svarek 1. Praha, 1931. С. 33–58.
5. Фомин В.В. Сокрушение С.А. Гедеоновым норманистского мифа // Гедеонов С.А. Варяги и Русь. Историческое исследование / сост., автор предисл., коммент., примеч. В.В. Фомин. М. : Академический проект ; Парадигма, 2018. С. 6–110.
6. Фомин В.В. История Руси глазами шведского археолога Т.Ю. Арне и его российских последователей // Манускрипт. 2020. Т. 13, вып. 11. С. 116–124.
7. Фомин В.В. Варяго-русский вопрос в интерпретации отечественных археологов дореволюционного и советского времени // Вопросы истории. 2021. № 5 (1). С. 231–253.
8. Фомин В.В. Варяго-русский вопрос в советской науке 1920–1930-х годов // Манускрипт. 2021. Т. 14, вып. 11. С. 2313–2324.
9. Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. М. : ИРИ РАН, 2009. 432 с.
10. Фомин В.В. «Ультранорманизм» и лингвистика с «норманским предрассудком» датчанина В. Томсена // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв. Липецк : ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 124–137.
11. Беляев Н.Т. Начало Руси. Лондон, Прага, 1925. С. 34–38.
12. Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора. М. : Центрполиграф, 2003. 445 с.

13. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6 / науч. ред.: А.Н. Сахаров, В.В. Фомин. М.-СПб. : Наука, 2011. 686 с.
14. Шмурло Е.Ф. История России 862–1917. М. : Аграф, 2001. 624 с.
15. Демина Л.И. Евгений Францевич Шмурло // Шмурло Е. Ф. История России 862–1917. С. 5–15.
16. Погодин А.Л. Опыт языческой реставрации при Владимире // Труды русских ученых за границей. Т. 2. Берлин, 1923. С. 149–157.
17. Тиандер К.Ф. [Рец.] St. Roźniecki. Perun und Thor. Ein Beitrag zur Quellenkritik der russischen Mythologie Archiv für slavische Philologie. XXIII t. 1901 г., с. 462–520) // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1902. Т. VII, кн. 3. С. 390–396.
18. Корш Ф.Е. Владимировы боги. Харьков, 1908. 2, 8 с.
19. Ewers J.P.G. Vom Ursprung des russischen Staats. Riga, Leipzig, 1808. 272 s.
20. Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. М., 1825. 356 с.
21. Грот Л.П. О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове : сб. статей и монографий / сост. и ред. В.В. Фомин. М. : Русская панорама, 2012. С. 311–553.
22. Грот Л.П. Призвание варягов: Норманнская лжегеография и правда о князе Рюрик. М. : Алгоритм, 2012. 368 с.
23. Фомин В.В. Голый конунг. Норманизм как диагноз. М. : Алгоритм, 2013. 320 с.
24. Фомин В.В. «Советский антинорманизм» и его норманистская сущность // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (277). С. 126–133.
25. Греков Б.Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.-Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 1, 136 с.
26. Греков Б.Д. Киевская Русь. М.-Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1939. 282 с.
27. История СССР. Т. I. С древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. В.И. Лебедева, Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. 792 с.
28. Погодин А.Л. Вопрос о происхождении имени Руси // Сборник в честь на Василь Н. Златарски. София, 1925. С. 269–275.
29. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб. : Лань, 2000. 320 с.
30. Ильина Н.Н. Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки // Изгнание норманнов из русской истории : сб. статей и монографий / сост. и ред. В.В. Фомин. М. : Русская панорама, 2010. С. 19–136.
31. Беляев Н.Т. Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // Seminarius Kondakovianum recueil d'études archéologie, histoire de l'art, études Byzantines. Т. III. Prague, 1929. С. 215–270.
32. Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М. : Русская панорама, 2005. 488 с.
33. Волконский А.М. Имя Руси в домонгольский период. Историческая справка. Прага, 1929. 28 с.
34. Дополнения А.А. Куника // Дорн Б.А. Каспий. СПб., 1875. С. 357–462, 629–715.
35. Мошин В.А. Главные направления в изучении варяжского вопроса за последние годы // Sbornik prací I sjezdu slovanských filologů v Praze 1929. Svazek II. Praha, 1932. С. 610–625.
36. Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь : Леан ; М. : Аграф, 2000. 448 с.
37. Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии : сб. статей и монографий / сост. и ред. В.В. Фомин. М. : Русская панорама, 2010. С. 11–95.
38. Фомин В.В. Варяго-русский вопрос в трудах Д.И. Иловайского (к 180-летию со дня рождения ученого) // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 2 (7). Липецк, 2012. С. 18–44.
39. Фомин В.В. Д.И. Иловайский в оценке современных норманистов // Труды Всероссийской научной конференции «VI Историографические чтения памяти историков Д.И.Иловайского и М.К.Любавского» (к 180-летию со дня рождения Д.И. Иловайского) / отв. ред. Л.В. Чекурин. Рязань, 23–25 мая 2012. Рязань, 2012. С. 55–69.
40. Фомин В.В. Дореволюционные антинорманисты глазами «советских антинорманистов» // Гуманитарные исследования Центральной России. № 1 (10). 2019. С. 85–94.
41. Мошин В.А. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // Byzantinoslavica. Ročník III. Svazek 2. Praha, 1931. С. 285–307.
42. Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862–1462). СПб. : Алетей, 1998. 542 с.
43. Ekblom R. Ruset varegdans les noms de lieux de la région de Novgorod. Stockholm, 1915. 64 P.
44. Vasmer M. Beiträge zur slavischen Altertumskunde // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. VI. Leipzig, 1929. S. 145–153.
45. Vasmer M. Beiträge zur slavischen Altertumskunde // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. VII. Leipzig, 1930. S. 142–150.
46. Vasmer M. Wikingerspuren in Russland. Berlin, 1931. S. 3–28.
47. Платонов С.Ф. Руса // Дела и дни. Исторический журнал. Кн. 1. Петербург, 1920. С. 1–5.
48. Погодин А.Л. Варяги и Русь // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 7. Белград, 1932. С. 93–135.
49. Погодин А.Л. Три заметки о начале Русского государства // Slavia. Ročník XI. Sešit 1. Praha, 1932. С. 118–140.
50. Мельникова Е.А. Древняя Русь на страницах ежегодника «Скандо-славика» // История СССР. 1974. № 3. С. 206–212.

51. Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2005. 339 с.
52. Томсен В. Начало Русского государства. М., 1891. 136 с.
53. Minorsky V. Rūs // *Enzyklopaedie des Islam*. Bd. 3. Leiden, Leipzig, 1936. S. 1276–1278.
54. Куник А.А. Предисловие и замечания к «Отрывкам из исследований о варяжском вопросе» С.А. Геденова // Скандинавомания и ее небывлицы о русской истории : сб. статей и монографий / сост. и ред. В.В. Фомин. М., 2015. С. 135–166.
55. Погодин М.П. Г. Геденов и его система происхождения варягов и руси // Скандинавомания и ее небывлицы о русской истории. С. 175–241.
56. Погодин А.Л. «Внешняя Россия» Константина Багрянородного // Сборник лингвистических и филологических расправа. Београд, 1937. С. 77–85.
57. Погодин А.Л. Варяжский период в жизни князя Владимира // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. 988–1938. Белград, 1938. С. 19–30.
58. Шлецер А.Л. Опыт изучения русских летописей // Скандинавомания и ее небывлицы о русской истории. С. 251–354.
59. Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. СПб., 1809. 717 с.
60. Шлецер А.Л. Нестор. Ч. II. СПб., 1816. 2, 6, 834 с.
61. Шлецер А.Л. Нестор. Ч. III. СПб., 1819. 12, 687 с.
62. Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь : Леан ; М. : Аграф, 2000. 448 с.
63. Ламбин Н.П. Источник летописного сказания о происхождении Руси // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CLXXIII. № 6. СПб., 1874. С. 225–263.

References

1. Braun, F.A. (1925) *Varyagi na Rusi* [Varangians in Russia]. *Beseda. Berlin*. (6-7), 300–338.
2. Presnyakov, A.E. (1928) Wilhelm Thomsen on the most ancient period of Russian history. In: *Memory of Wilhelm Thomsen. To the anniversary of his death*. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, pp. 35–50.
3. Got'e, Yu.V. (1930) *Zheleznyi vek v Vostochnoi Evrope* [The Iron Age in Eastern Europe]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo. 280 p.
4. Moshin, V.A. (1931) The Beginning of Russia. Normans in Eastern Europe. In: *Byzantinoslavika. Ročník III. Svarek I*. Praha, pp. 33–58.
5. Fomin, V.V. (2018) The crushing of the Normanist myth by S.A. Gedeonov. In: Gedeonov, S.A. *Varyagi and Rus. Historical research*. Moscow, Akademicheskii proekt ; Paradigma publ., pp. 6–110.
6. Fomin, V.V. (2020) History of Russia through the eyes of the Swedish archaeologist T.Y. Arne and his Russian followers. In: *Manuscript*. Vol. 13, iss. 11, pp. 116–124.
7. Fomin, V.V. (2021) Varyago-russkii vopros v interpretacii otechestvennykh arheologov dore-volyucionnogo i sovetskogo vremeni [Varyago-the Russian question in the interpretation of Russian archaeologists of pre-revolutionary and Soviet times]. *Voprosy istorii*. 5 (1), 231–253.
8. Fomin, V.V. (2021) Varyago-the Russian Question in Soviet Science of the 1920s-1930s. In: *Manuscript*. Vol. 14, iss. 11, pp. 2313–2324.
9. Vandalkovskaya, M.G. (2009) *Istoricheskaya mysl' russkoi emigratsii. 20–30-e gg. XX v.* [Historical thought of Russian emigration. 20-30-ies of the XX century]. Moscow, IRI RAN publ. 432 p.
10. Fomin, V.V. (2021) "Ultranormanism" and linguistics with a "Norman prejudice" by Danenina V. Thomsen. In: *Russian statehood in the faces and destinies of its creators: IX–XXI centuries*. Lipetsk, LGPU imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, pp. 124–137.
11. Belyaev, N.T. (1925) *Nachalo Rusi* [The Beginning of Russia]. London, Praga, pp. 34–38.
12. Dzhons, G. (2003) *Vikingi. Potomki Odina i Tora* [Vikings. Descendants of Odin and Thor]. Moscow, Centrpoligraf publ. 445 p.
13. Lomonosov, M.V. (2011) *Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 6* [Complete works. Vol. 6]. Moscow, St. Petersburg, Nauka publ. 686 p.
14. Shmurlo, E.F. (2001) *Istoriya Rossii 862–1917* [History of Russia 862-1917]. Moscow, Agraf publ. 624 p.
15. Demina, L.I. Evgeny Frantsevich Shmurlo. In: Shmurlo, E.F. *History of Russia 862–1917*, pp. 5–15.
16. Pogodin, A.L. (1923) Experience of pagan restoration under Vladimir. In: *Works of Russian scientists abroad*. Vol. 2. Berlin, pp. 149–157.
17. Tiander, K.F. (1902) [Rec.] St. Roźniecki. Perun und Thor. Ein Beitrag zur Quellenkritik der russischen Mythologie Archiv für slavische Philologie. XXIII t. 1901 g., str. 462–520) [St. Roźniecki. Perun und Thor. Ein Beitrag zur Quellenkritik der russischen Mythologie Archiv für slavische Philologie. XXIII t. 1901, pp. 462-520)]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. VII (3), 390–396.
18. Korsh, F.E. (1908) *Vladimirovy bogi* [Vladimirovy bogi]. Kharkov, p. 2, 8.
19. Ewers, J.P.G. (1808) *Vom Ursprunge des russischen Staats*. Riga, Leipzig. 272 p.
20. Evers, G. (1825) *Predvaritel'nye kriticheskie issledovaniya dlya rossiiskoi istorii* [Preliminary critical studies for Russian history]. Moscow. 356 p.
21. Grot, L.P. (2012) About Roslagen at the bottom of the sea and about the Varangians not from Scandinavia. In: *Word about Lomonosov : collection of articles and monographs*, pp. 311–553.

22. Grot, L.P. (2012) *Prizvanie varyagov: Normanskaya lzhetoriya i pravda o knyaze Ryurike* [The vocation of the Varangians: Norman false theory and the truth about Prince Rurik]. Moscow, Algoritm publ. 368 p.
23. Fomin, V.V. (2013) *Golyi konung. Normanizm kak diaznoz* [The Naked King. Normanism as a diagnosis]. Moscow, Algoritm publ. 320 p.
24. Fomin, V.V. (2017) «Sovetskii antinormanizm» i ego normanistskaya sushchnost' ["Soviet anti-Normanism" and its Normanist essence]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4 (277), 126–133.
25. Grekov, B.D. (1936) *Feodal'nye otnosheniya v Kievskom gosudarstve* [Feudal relations in the Kievan state]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR. 1, 136 p.
26. Grekov, B.D. (1939) *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR. 282 p.
27. Lebedev, V.I., Grekov, B.D., Bahrushin, S.V. (eds.) *Istoriya SSSR. T. I. S drevneishih vremen do konca XVIII v.* [History of the USSR. T. I. From ancient times to the end of the XVIII century]. Moscow, Gos. soc.-ekon. izd-vo, 1939. 792 s.
28. Pogodin, A.L. (1925) The question of the origin of the name of Russia. In: *Collection in honor of Vasil N. Zlatarski*. Sofiya, pp. 269–275.
29. Vernadskii, G.V. (2000) *Nachertanie russkoi istorii* [The outline of Russian history]. St. Petersburg, Lan' publ. 320 p.
30. Il'ina, N.N. (2010) The expulsion of the Normans. Russian Historical Science's next task. In: Fomin, V.V. (ed.) *The expulsion of the Normans from Russian history: collection of articles and monographs*. Moscow, Russkaya panorama publ., pp. 19–136.
31. Belyaev, N.T. (1929) Rorik of Jutland and Rurik of the Initial Chronicle. In: *Seminarium Kondakovianum recueil d'études archéologie, histoire de l'art, études Byzantines*. T. III. Prague, pp. 215–270.
32. Fomin, V.V. (2005) *Varyagi i varyazhskaya rus': K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu* [Varangians and Varangian Russia: On the results of the discussion on the Varangian question]. Moscow, Russkaya panorama publ. 488 p.
33. Volkonskii, A.M. (1929) *Imya Rusi v domongol'skii period. Istoricheskaya spravka* [The name of Russia in the pre-Mongol period. Historical background]. Praha, 1929. 28 s.
34. Additions by A.A. Kunik (1875). In: Dorn, B.A. *Kaspiy*. St. Petersburg, pp. 357–462, 629–715.
35. Moshin, V.A. (1932) The main directions in the study of the Varangian question in recent years. In: *Sbornik praci I sjezdu slovanských filologů v Praze 1929*. Svarek II. Praha, pp. 610–625.
36. Vernadskii, G.V. (2000) *Drevnyaya Rus'* [Ancient Rus]. Tver, Lean publ.; Moscow, Agraf publ. 448 p.
37. Moshin, V.A. (2010) Varyago-the Russian question. In: Fomin, V.V. (ed.) *Varyago-the Russian question in historiography: collection of articles and monographs*. Moscow, Russkaya panorama, pp. 11–95.
38. Fomin, V.V. (2012) Varyago-russkii vopros v trudah D.I. Ilovaisky (k 180-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo) [Varyago-the Russian question in the works of D.I. Ilovaisky (to the 180th anniversary of the scientist's birth)]. *Vestnik Lipeckogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2 (7), 18–44.
39. Fomin, V.V. (2012) D.I. Ilovaisky in the assessment of modern normanists. In: Chekurin, L.V. (ed.) *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference "VI Historiographical readings in memory of historians D.I. Ilovaisky and M.K. Lyubavsky" (to the 180th anniversary of the birth of D.I. Ilovaisky)*. Ryazan, pp. 55–69.
40. Fomin, V.V. (2019) Dorevolucionnye antinormanisty glazami «sovetskikh antinormanistov» [Pre-revolutionary anti-normanists through the eyes of "Soviet anti-normanists"]. *Gumanitarnye issledovaniya Central'noi Rossii*. 1 (10), pp. 85–94.
41. Moshin, V.A. (1931) Nachalo Rusi. Normanny v Vostochnoi Evrope [The Beginning of Russia. Normans in Eastern Europe]. *Byzantinoslavika. Ročnik III. Svarek 2*. Praha, pp. 285–307.
42. Shmurlo, E.F. (1998) *Kurs russkoi istorii. Vozniknovenie i obrazovanie Russkogo gosudarstva (862–1462)* [Course of Russian history. The emergence and formation of the Russian State (862–1462)]. St. Petersburg, Aleteiya publ. 542 p.
43. Ekblom, R. (1915) *Ruset varegdans les noms de lieux de la région de Novgorod*. Stockholm. 64 p.
44. Vasmer, M. (1929) Beiträge zur slavischen Altertumskunde. *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. VI. Leipzig, pp. 145–153.
45. Vasmer, M. (1930) Beiträge zur slavischen Altertumskunde. *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. VII. Leipzig, pp. 142–150.
46. Vasmer, M. (1931) Wikingerspuren in Russland. Berlin, pp. 3–28.
47. Platonov, S.F. (1920) Rusa [Rus]. *Dela i dni. Istoricheskii zhurnal. Kn. 1*. Peterburg, pp. 1–5.
48. Pogodin, A.L. (1932) Varyagi and Rus. In: *Notes of the Russian Scientific Institute in Belgrade. Vol. 7*. Belgrad, pp. 93–135.
49. Pogodin, A.L. (1932) Tri zametki o nachale Russkogo gosudarstva [Three notes on the beginning of the Russian State]. *Slavia. Ročnik XI. Sešit 1*. Praha, pp. 118–140.
50. Mel'nikova, E.A. (1974) Drevnyaya Rus' na stranicah ezhegodnika «Skando-slavika» [Ancient Rus on the pages of the yearbook "Scando-slavica"]. *Istoriya SSSR*. (3), 206–212.
51. Vernadskii, G.V. (2005) *Opyt istorii Evrazii. Zven'ya russkoi kul'tury* [Experience of the history of Eurasia. Links of Russian culture]. Moscow, Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK. 339 p.
52. Tomsen, V. (1891) *Nachalo Russkogo gosudarstva* [The beginning of the Russian state]. Moscow. 136 p.
53. Minorsky, V. (1936) Rūs. In: *Enzyklopaedie des Islam*. Bd. 3. Leiden, Leipzig, pp. 1276–1278.
54. Kunik, A.A. (2015) Preface and remarks to "Excerpts from studies on the Varangian question" by S.A. Gedeonov. In: Fomin, V.V. (ed.) *Scandinavomania and its tall tales about Russian history: collection of articles and monographs*. Moscow, pp. 135–166.

55. Pogodin, M.P. G. Gedeonov i ego sistema proiskhozhdeniya varyagov i rusi [Gedeonov and his system of origin of the Varangians and Russia]. *Skandinavomaniya i ee nebylicy o russkoi istorii*, pp. 175–241.
56. Pogodin, A.L. (1937) «Vneshnyaya Rossiya» Konstantina Bagryanorodnogo ["External Russia" by Konstantin Bagryanorodny]. *Zbornik lingvistichkih i filoloshkih rasprava*. Beograd, pp. 77–85.
57. Pogodin, A.L. (1938) Varangian period in the life of Prince Vladimir. In: *Vladimir collection in memory of the 950th anniversary of the Baptism of Rus. 98–1938*. Belgrad, pp. 19–30.
58. Shlecer, A.L. Opyt izucheniya russkih letopisei [Experience of studying Russian chronicles]. *Skandinavomaniya i ee nebylicy o russkoi istorii*, pp. 251–354.
59. Shlecer, A.L. (1809) *Nestor*. Ch. I. [Nestor. Vol. 1]. St. Petersburg. 717 p.
60. Shlecer, A.L. (1816) *Nestor*. Ch. II. [Nestor. Vol. 2]. St. Petersburg. 2, 6, 834 p.
61. Shlecer, A.L. (1819) *Nestor*. Ch. III. [Nestor. Vol. 3]. St. Petersburg., 1819. 12, 687 p.
62. Vernadskii, G.V. (2000) *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus]. Tver, Lean; Moscow, Agraf publ. 448 p.
63. Lambin, N.P. (1874) Istochnik letopisnogo skazaniya o proiskhozhdenii Rusi [The source of the chronicle legend about the origin of Russia]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CLXXIII (6), 225–263.

Поступила в редакцию 15.08.2022

Подписана в печать 27.09.2022

Original article

UDC 930.1 (09) : 947.021/.026

DOI 10.47438/2309-7078_2022_3_121

VARANGIAN-RUSSIAN QUESTION IN EMIGRANT SCIENCE
OF THE 1920s –1940s

Vyacheslav V. Fomin¹

Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky¹
Lipetsk, Russia

¹*Dr. Histor. Sci., Professor, Professor of the Department of Russian and General History,*
ORCID ID: 0000-0002-1240-8527, e-mail: vfominv@mail.ru

Abstract. For the first time, the analysis of the development of the Varangian-Russian question in the writings of our emigrants of the specified period (1920s –1930s) is subjected to analysis. The author comes to the conclusion that the study of the key issue of Russian history was influenced by the erroneous conclusions of archaeologists and linguists, perceived as unshakable truths, in the mainstream of ultranormanism, forcing the fundamental phenomena and events of the history of Russia to pass off as Scandinavian. At the same time, emigrant historians, unlike representatives of Soviet science, created a number of important reviews on the historiography of this issue, in which they rather critically evaluated the Normanist products that were published at that time and spoke highly, compared with their Soviet colleagues, about the achievements of the antinormanists of the last century.

Key words: ultranormanism, N.T. Belyaev, E.F. Shmurlo, A.L. Pogodin, F.A. Brown, G.V. Vernadsky, A.M. Volkonsky, V.A. Moshin, M. Fasmer, V.F. Minorsky, N.N. Ilyina.

Cite as: Fomin, V.V. (2022) Varangian-Russian question in emigrant science of the 1920s –1940s. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (3), 121–136. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_121

Received 15.08.2022

Accepted 27.09.2022